

УДК 94. (430).012

DOI: 10.15587/2313-8416.2017.102112

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ (1941–1944 гг.): ЭПИЗОДЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

© В. Л. Мартыненко, М. В. Оганян, А. Н. Николаенко-Ломакина, А. Г. Багалюк

Статья посвящена ключевым аспектам, связанным с повседневной жизнью этнических немцев в условиях оккупации. Особое внимание уделено причинам, характеру и формам коллаборационизма, а также взаимоотношениям немецкого этнического меньшинства с представителями других национальностей. Охарактеризовано взаимное восприятие оккупационных властей и этнических немцев. Также отдельный акцент сделан на мероприятиях, связанных с политической индоктринацией фольксдойче во время оккупации

Ключевые слова: немцы, фольксдойче, оккупация, коллаборационизм, индоктринация, колонии, Германия, война, нацизм, религия

1. Введение

На протяжении последних лет в украинской историографии наблюдается устойчивый рост интереса к оккупационному периоду в годы Второй мировой войны. Отчасти эта тенденция обусловлена тем, что благодаря современным методологическим подходам исследователи смогли существенно расширить тематические рамки. Акцент все чаще смещается на этносоциальные аспекты оккупации. Особого внимания в этом контексте заслуживает судьба немецкого этнического меньшинства, которое оказалось в положении заложника военно-политического противостояния СССР и Германии. Долгое время упомянутая тема находилась на периферии исследовательских интересов. Во многом это было обусловлено тем, что она тесно соприкасалась с двумя «неудобными» для советской исторической науки аспектами: коллаборационизмом и сталинскими репрессиями.

2. Цель и задачи исследования

Цель исследования заключается в раскрытии основных аспектов повседневного существования немецкого населения на оккупированных украинских территориях в 1941–1944 гг.

В рамках поставленной цели определены следующие задачи:

- раскрыть мотивы, побудившие многих представителей немецкой национальности к сотрудничеству с оккупационным режимом;
- охарактеризовать основные формы и специфику сотрудничества немецкого населения с оккупантами;
- раскрыть основные направления индоктринации, проводимой властями Германии в отношении представителей немецкой национальности;
- рассмотреть характер противоречий между этническими немцами и властями Германии.

3. Повседневность этнических немцев Украины в условиях оккупации (1941–1944)

Война с Германией и ее союзниками привела к началу превентивных репрессий против ряда национальных меньшинств в СССР. В первую очередь на острие этой политики оказались представители немецкого населения. Основным репрессивным инструментом стали массовые депортации. Особенно

интенсивно они проходили на территории нескольких областей УССР. В течение 1941–1942 гг. более ста тысяч этнических немцев, главным образом с левобережной части республики, поэтапно были выселены в восточные регионы СССР [1, 2].

Репрессивные действия властей в начале войны привели к еще большему усилению антисоветских настроений среди немецких колонистов. Многие из них испытывали желание как можно быстрее оказаться под оккупацией, поскольку это был единственный путь к спасению от депортации. Приход немецких войск воспринимался и как шанс на новую жизнь. В сентябре 1941 г. жители одной из колоний Запорожской области во время встречи с представителями оккупационных властей заявили, что хотят жить и работать под защитой Германии, за которую в случае необходимости они готовы сражаться и умереть. Кроме этого, колонисты просили ликвидировать ненавистные колхозы [3]. Несомненно, многие представители немецкого населения Украины ощущали этнокультурное родство с оккупантами. Это обстоятельство помогало им быстрее адаптироваться к новым условиям. В то же время положительное восприятие колонистами Германии не имело политико-идеологической подоплеки, так как из-за продолжительной информационной изоляции они практически ничего не знали о национал-социализме. Поэтому антисоветские взгляды среди этнических немцев в 1941 г. являлись, прежде всего, отражением общего кризиса политической лояльности, который охватил широкие слои советского общества. Ведь не следует забывать, что положительная реакция на немецкое вторжение довольно часто наблюдалась и в украинских селах.

На оккупированных территориях Украины проживало несколько сотен тысяч этнических немцев. Наибольшая их концентрация наблюдалась в Рейхскомиссариате Украина (около 200 000 чел.) и губернаторстве Транснистрия (около 135 000 чел.) [4]. Германские оккупационные власти рассматривали немецкое население как важный элемент своей социальной опоры. Однако посещение колоний и общение с их жителями зачастую вызывали гнетущее впечатление. Картина упадка довольно подробно отражена в докладах зондеркоманды д-ра К. Штумппа, занимавшейся сбором материалов о генеалогии, ис-

тории и культуре немцев в СССР. Например, осенью 1941 г. ее сотрудники во время посещения ряда колоний на севере и северо-востоке Житомирской области отметили, что их жители испытывают проблемы даже с такими важными продуктами питания, как хлеб и молоко [5]. Но еще более сложная ситуация наблюдалась на территории Левобережной Украины, где были осуществлены принудительные мобилизации немцев-мужчин 16–60 лет и массовые депортации осенью 1941 г. Все это привело не только к сокращению численности, но и изменению гендерной структуры немецкого населения. По данным зондеркоманды К. Штумппа, около 40–50 % семей этнических немцев в этом регионе остались без мужчин. Статистика показала, что на одного мужчину в среднем приходилось от 1,5 до 2,5 женщин. В некоторых колониях наблюдалось еще более резкое соотношение: Фриденсфельд (1:5,9), Зандфельд (1:5), Фишердорф и Хойбоден (1:4,6), Хохфельд (1:4,1). Эта диспропорция усугубила и без того сложное социально-экономическое положение колонистов [6].

Власти Рейха стремились укрепить положение немецкого меньшинства путем предоставления им особого статуса «фольксдойче», получить который можно было, пройдя процедуру регистрации. При этом необходимо отметить, что в глазах руководства СС местное немецкое население не являлось однородной общностью. И в связи с этим оно условно было разделено на несколько категорий. Принадлежность к каждой из них определялась не только «чистотой крови», но и уровнем национально-культурного самосознания. К концу 1942 г. распоряжением рейхскомиссара Э. Коха была введена стандартная процедура регистрации («Deutsche Volkliste Ukraine»), которая предусматривала четыре категории фольксдойче. В первую группу могли входить представители немецкой национальности, родившиеся в моноэтнических семьях и сохранившие как немецкий язык, так и национальный уклад. Во вторую категорию, как правило, включались чистокровные немцы, которые состояли в браке с представителем иной национальности. При этом члены семей не немецкого происхождения также могли быть отнесены к этой группе, но лишь в том случае, если придерживались немецкого образа жизни. К третьей категории причислялись те фольксдойче, которые ассимилировались среди местного населения и практически утратили ключевые черты своей национальной идентичности. Для четвертой группы представителей немецкой национальности уже не оставалось. Предположительно, эти лица подлежали выселению. Но для некоторых представителей немецкого населения существовали определенные ограничения. Например, не могли рассчитывать на регистрацию те этнические немцы, которые состояли в браке с армянами, караимами, греками и представителями некоторых других национальностей [7].

Статус фольксдойче гарантировал получение ряда привилегий. Так, германские власти нередко старались назначать этнических немцев на различные ключевые должности в аппарат органов местного самоуправления. Зарплата фольксдойче, как правило, была выше, чем у представителей украинского насе-

ления, но ниже, чем у имперских немцев (Reichsdeutsche). Одной из самых распространенных привилегий этнических немцев являлось право на получение продуктового пайка и посещение специальных магазинов. Для многих представителей немецкого населения, особенно тех, которые проживали в городах, статус фольксдойче имел важное значение, потому что давал определенную надежду на выживание в экстремальных условиях военного времени. Этот мотив довольно часто упоминается в документах германских властей.

Нередко у оккупантов вызывал нарекания уровень национально-культурной самобытности местных немцев, многие из которых неудовлетворительно владели немецким языком и мало отличались в ментальном плане от своих украинских соотечественников [8]. Пытаясь исправить сложившуюся ситуацию, германские власти предпринимали специальные меры. Например, многие немцы были обязаны посещать языковые курсы [9]. Но не менее важным пунктом политики оккупационного режима являлась индоктринация немецкого населения. Некоторые шаги в этом направлении власти Рейха сделали уже летом 1941 г. За несколько месяцев предполагалось снабдить этнических немцев на оккупированных территориях многочисленными пропагандистскими материалами: книгами, листовками и плакатами. В списке подлежащей распространению среди фольксдойче литературы оказался и труд А. Гитлера «Моя борьба» [10]. Особый акцент был сделан на воспитании молодежи в духе национал-социализма. С этой целью германские власти приступили к созданию сети воспитательных и образовательных учреждений для фольксдойче. Также были заложены основы и для системы высшего образования [4]. Не осталась без внимания и сфера внешкольного воспитания. Так, в 1942 г. совместными усилиями Имперского руководства по делам молодежи и Имперского министерства восточных оккупированных территорий была образована организация «Немецкая молодежь Украины» (Deutsche Jugend Ukraine), которая являлась примыкающей структурой Гитлерюгенда. Также активную работу в данном направлении развернул и Союз немецких девушек (Bund Deutscher Mädel) [11].

Однако вышеописанные инициативы германских властей были негативно восприняты многими колонистами, поскольку они противоречили их традиционным устоям. Особенно рельефно этот мировоззренческий антагонизм проявил себя в религиозной сфере. В самом начале оккупации военные власти, как правило, не препятствовали возобновлению работы протестантских храмов, закрытых при советском режиме. Из-за нехватки священнослужителей капелланы вермахта часто совершали богослужения. Это порождало надежды жителей немецких колоний на возрождение религиозной жизни [6, 12, 13]. Однако гражданская администрация, в аппарате которой находилось немало убежденных нацистов, считавших, что христианское вероучение оказывает пагубное влияние на национальное самосознание, с раздражением относилась к этим ожиданиям. Немецкие чиновники нередко высмеивали религиозность этнических немцев. Но большую неприязнь у многих ве-

руючих колонистов вызывали представители СС, которые уже в начале оккупации не скрывали своего циничного отношения к христианству [4]. Некоторые функционеры организации на местном уровне иногда даже препятствовали открытию протестантских храмов [14]. По словам вышеупомянутого К. Штумппа, сотрудники СС постоянно подчеркивали, что «закалка молодежи и молодых мужчин после работы воскресными утрами важнее, чем благоговейное слушание елейной болтовни попов» [6]. В более дискриминационных условиях оказались этнические немцы, исповедующие католицизм. Например, оккупационные власти реже позволяли им проводить богослужения [15]. Причину такой избирательности стоит усматривать в том, что по сравнению с лютеранством католицизм обладал более универсалистским характером. В этой связи заслуживают внимания наблюдения о различиях между колонистами лютеранского и католического вероисповедания проживавших между Бугом и Днестром, которые представлены в двух докладах айнзацгруппы D. Так, в одном из документов подчеркивалось, что у представителей евангелическо-лютеранской общности национальная идентичность преобладала над религиозной, а католики считали себя немцами лишь во вторую очередь [16]. Во втором же докладе католическая церковь представлена как фактор глубокого раскола немецкого населения на две этно-религиозные группы [17]. Таким образом, со временем национал-социализм должен был стать для немецких колонистов эрзац-религией.

Война как деструктивное явление всегда несет серьезную угрозу прежним связям внутри общества, усиливая существующие противоречия и перекраивая характер человеческих взаимоотношений. На первый взгляд, политика этносоциальной дифференциации, проводимая оккупационными властями, не привела к глубокому антагонизму между немецкими колонистами и славянским населением. Несмотря на прогерманские симпатии, этнические немцы нередко были настроены против дискриминации, проводимой оккупантами в отношении украинцев или русских. По мере возможностей многие из них старались оказывать какую-либо помощь представителям славянского населения. Зафиксированы случаи, когда немецкие женщины, проживавшие в колониях, приносили продукты для советских военнопленных, порой рискуя вызвать гневную реакцию со стороны оккупантов [13]. С другой стороны, некоторые действия германских властей все же провоцировали враждебное отношение украинцев к фольксдойче. Так, в конце 1942 г. по инициативе руководства СС началась реализация плана по расселению нескольких тысяч этнических немцев из некоторых регионов Украины на территорию Житомирской области с целью создания там моноэтнического анклава [5]. Местное немецкое население подлежало выселению [18]. Новообразованный район, который являлся первым серьезным шагом на пути к дальнейшей поэтапной колонизации украинских земель, получил название Хегевальд (Заповедный лес). Следует также отметить, что переселенческая акция отчасти была обусловлена и стремлением СС уменьшить угрозу со стороны советских и украинских националистических партизан-

ских отрядов, нередко нападавших на немецкие колонии [5].

Отдельного внимания заслуживает военный коллаборационизм этнических немцев. В этом процессе условно можно выделить два этапа: 1942–1943 гг. и 1944–1945 гг. Первый характеризуется, прежде всего, тем, что привлечение этнических немцев в ряды вооруженных формирований опиралось на территориальный принцип, носило добровольно-обязательный характер и было обусловлено необходимостью усиления контроля на захваченных территориях. Главным инициатором рекрутирования фольксдойче, как правило, выступало руководство СС. Так, в начале 1942 г. представители данной организации в Транснистрии приступили к созданию отрядов самообороны (Selbstschutz). Зачастую в эти формирования брали служить мужчин от 18 до 40 лет [19]. На вооружение самообороны было легкое стрелковое оружие. Основным идентификатором личного состава, не имевшего обмундирования, являлась лишь нарукавная повязка с изображением свастики [20]. Отряды самообороны привлекались к охране немецких колоний, важных инфраструктурных объектов и транспортных коммуникаций [7]. Вскоре эти формирования начали появляться и в других регионах Украины. По сведениям исследовательницы И. Флейшхауэр, в начале 1942 г. около 20000 мужчин было привлечено в ряды самообороны [7]. Несмотря на то, что руководство СС считало милитаризацию фольксдойче исключительно своей прерогативой, военные власти также иногда принимали в этом участие. Так, в марте 1942 г. на территории Запорожской области по распоряжению генерал-полковника Э. фон Клейста начался набор колонистов призывного возраста в кавалерийские эскадроны [7]. Всего было сформировано четыре подобных формирования [21]. Примечательно, что подавляющее большинство личного состава эскадронов составляли меннониты, которые, как известно, традиционно отличались крайним пацифизмом. Но в годы войны этот важный принцип их вероучения отошел на второй план. Если верить свидетельствам колонистов, то ключевым мотивом для многих мужчин-меннонитов, решивших взять в руки оружие, стала месть советской власти [15]. В 1944 г. война для Германии приобрела преимущественно оборонительный характер, что отразилось и на ее дальнейших планах в отношении немецкого населения оккупированных советских территорий. К этому времени определенное количество этнических немцев смогло получить гражданство Рейха. Данное обстоятельство легитимировало их дальнейшую мобилизацию в ряды вооруженных сил Германии. Так, например, уже в апреле 1944 г. на территории Транснистрии призвали около 4000 немцев [7]. Контингент вооруженных формирований фольксдойче, созданных на первом этапе, также был включен в состав вермахта или войск СС.

В 1943–1944 гг. подавляющее большинство этнических немцев Украины, усилиями руководства СС, было эвакуировано на территорию имперского края Вартегау. Большинство из них пошло на это осознанно, потому что помнили о репрессиях и опасались мести со стороны советской власти.

4. Результаты исследования

Таким образом, проведенное исследование указывает на то, что сотрудничество этнических немцев с оккупационным режимом на украинских территориях было достаточно многогранным. Тем не менее, характер этих контактов был не всегда однозначным. Например, в статье отмечено, что традиционный уклад, определявший особенности идентичности и мировоззрения многих колонистов, нередко вступал в противоречие с постулатами нацистской идеологии, которые власти Германии намеревались постепенно привить немецкому населению.

5. Выводы

Таким образом, краткий анализ ключевых аспектов повседневной жизни немецкого населения Украины в годы оккупации свидетельствует о

том, что многие представители данной этнической группы были настроены на активное сотрудничество с германскими властями. Этому способствовал целый ряд причин. В первую очередь здесь следует упомянуть политику коллективизации и репрессий, проводимую советским режимом накануне и в начале войны с Германией. Тем не менее, немецкое население Украины не смогло стать в силу объективных обстоятельств надежной социальной опорой для оккупантов. Причины, характер и формы коллаборационизма этнических немцев являлись зачастую такими же, как и у представителей украинского населения. В то же время политико-идеологическое сотрудничество имело определенные особенности, которые были обусловлены специальным статусом и ролью, отводимой фольксдойче в новой социальной структуре.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации [Текст]. – Р-9479, Оп. 1, Д. 86 (IV). – 311 с.
2. Государственный архив Российской Федерации [Текст]. – Р-9479, Оп. 1, Д. 102. – 47 с.
3. Stumpp, K. In the Wake of the German Army on the Eastern Front, August 1941 to May 1942 [Text] / K. Stumpp // Journal of the American Historical Society of Germans from Russia. – 1984. – Vol. 7, Issue 4. – P. 17–22.
4. Pinkus, B. Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert [Text] / B. Pinkus, I. Fleischhauer. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1987. – 599 p.
5. Brown, K. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland [Text] / K. Brown. – Cambridge: Harvard University Press, 2004. – 322 p.
6. Вальт, Р. Обломки всемирной истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером [Текст] / Р. Вальт. – Эссен, 1996. – 524 с.
7. Fleischhauer, I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion [Text] / I. Fleischhauer. – Stuttgart: Deutsche Vereiags-Anstalt, 1983. – 257 p.
8. Галузевий державний архів Служби безпеки України [Текст]. – Р-2, Оп. 7, Спр. 7. – 156 с.
9. Державний архів Харківської області [Текст]. – Р-4584, Оп. 1, Спр. 1. – 57 с.
10. Салата, О. О. Інформаційно-ідеологічна політика німецької окупаційної адміністрації щодо етнічних німців в Україні в 1941–1944 рр. [Текст] / О. О. Салата // Сумська старовина. – 2009. – № 28-29. – С. 64–71.
11. Ермаков, А. М. Союз немецких девушек в годы Второй мировой войны [Текст] / А. М. Ермаков // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 1, № 1-2. – С. 89–97.
12. Epp, G. Mennonite Immigration to Canada after World War II [Text] / G. Epp // Journal of Mennonite Studies. – 1987. – Vol. 5. – P. 108–119.
13. Epp, M. Women without Men: Mennonite Refugees of the Second World War [Text] / M. Epp. – Toronto: University of Toronto Press, 2000. – 275 p.
14. Gerlach, H. Mennonites, the Molotschna, and the Volksdeutsche Mittelstelle in the Second World War [Text] / H. Gerlach // Mennonite Life. – 1986. – Vol. 41, Issue 3. – P. 4–9.
15. Беркгоф, К. Жнива розпачу. Життя і смерть в Україні під нацистською владою [Текст] / К. Беркгоф. – К.: Критика, 2011. – 456 с.
16. Deutsche Besatzungsherrschaft in der UdSSR 1941–1945. Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion II [Text] / A. Angrick, K.-M. Mallmann, J. Matthaus, M. Clippers (Eds.). – Darmstadt, 2013. – 639 p.
17. Die Ereignismeldung UdSSR 1941. Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion I. Veröffentlichungen der Forschungsstelle Ludwigsburg der Universität Stuttgart. Vol. 20 [Text]. – Darmstadt, 2011. – 925 p.
18. Lower, W. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine [Text] / W. Lower. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005. – 307 p.
19. Breiss, F. Hass und Liebe [Text] / F. Breiss. – Wien, 1979. – 215 p.
20. Angrick, A. Besatzungspolitik und Massenmord. Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943 [Text] / A. Angrick. – Hamburg: Hamburger Edition, 2003. – 796 p.
21. Центральний державний архів вищих органів влади України [Текст]. – КМФ-8, Оп. 1, Спр. 157 (Т. 2). – 236 с.

*Рекомендовано до публікації д-р істор. наук Танцюра В. І.
Дата надходження рукопису 27.03.2017*

Мартыненко Владимир Леонидович, кандидат исторических наук, Харьковский торгово-экономический колледж Киевского национального торгово-экономического университета, ул. Клочковская, 202, г. Харьков, Украина, 61045

E-mail: traum1983@gmail.com

Оганян Мария Владимировна, преподаватель, Цикловая комиссия туризма, готельно-ресторанного дела и социально-гуманитарных дисциплин, Харьковский торгово-экономический колледж Киевского национального торгово-экономического университета, ул. Клочковская, 202, г. Харьков, Украина, 61045

Николаенко-Ломакина Алла Николаевна, преподаватель, Цикловая комиссия туризма, отельно-ресторанного дела и социально-гуманитарных дисциплин, Харьковский торгово-экономический колледж Киевского национального торгово-экономического университета, ул. Клочковская, 202, г. Харьков, Украина, 61045

E-mail: kharkiv@htek.com.ua

Багалюк Александр Григорьевич, преподаватель, Цикловая комиссия управления и администрирования, Харьковский торгово-экономический колледж Киевского национального торгово-экономического университета, ул. Клочковская, 202, г. Харьков, Украина, 61045